

Ф. А. КОГАН-БЕРНШТЕЙН

Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке

Великий сын французского народа Шарль Луи Монтескье (1689–1755) был замечательным просветителем своего времени, могучим проповедником мира и гуманности, суровым обличителем папской инквизиции, блестящим теоретиком общества и государства. В творчестве Монтескье ярко отразились важнейшие особенности той исторической эпохи, обычно именуемой Просвещением, когда во Франции, да и в большинстве стран Европы, были уже в корне подточены устои феодального общества и на историческую арену выступали новые общественные силы, носители более прогрессивного по тому времени общественного строя. Образное определение этого переломного момента дал Герцен. «Оканчивался XVII век, — писал он, — и сквозь вечеряющий сумрак его уже проглядывал век дивный, мощный, деятельный, XVIII век. Уже народы взглянули на себя, уже Монтескье писал, и душнее становился воздух от близкой грозы»^{*}.

Когда вся система общественных отношений стала препятствием для дальнейшего развития страны, с особой силой зазвучали голоса французских просветителей. Конец сороковых, пятидесятые и шестидесятые годы XVIII в. — время стремительной и напряженной борьбы за новую, буржуазную идеологию. Монтескье, Вольтер, Дидро, Гольбах, Гельвеций, Руссо и другие просветители явились выразителями протеста и чаяний передовых общественных сил. Это были, по словам Энгельса, «великие люди,

^{*} Герцен, А. И. Соч. — Т. 1. — С. 88.

которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции...»^{*}.

Монтескье являлся одним из самых выдающихся мыслителей старшего поколения французских просветителей первой половины XVIII века^{**}. По своему происхождению он был выходцем из богатого и старинного рода гасконского дворянства. Предки Монтескье жили в сельском замке ла Бред, около Бордо, и создали себе прочное положение среди парламентской аристократии. Пройдя обучение в конгрегации ораторианцев, уделявших много внимания изучению светских наук, Монтескье, по семейному обычаю, поступил советником в бордоский парламент, а двадцати семи лет унаследовал от одного из дядей пост президента парламента Бордо. Через десять лет Монтескье сложил с себя эти обязанности и всецело посвятил себя научным занятиям, совмещая их с путешествиями по разным странам — Италии, Германии, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Голландии и Англии, — в которых он с жадностью изучал законы, нравы, обычаи и привычки людей, особенности общественной и политической жизни. Все было важно и интересно для него. «Я всю жизнь наблюдаю, — пишет о себе Монтескье, — *все меня интересует*, все приводит в удивление; я — как ребенок, органы которого, еще нежные, живо затрагиваются малейшими предметами»^{***}. Монтескье отдал дань характерному для его времени увлечению естественными науками, он изучал ботанику, анатомию и сам производил опыты; впоследствии противники Монтескье не раз напоминали ему об этом и смеялись над его опытами с поверхностью языка барана, о которых обстоятельно рассказал сам Монтескье в «Духе законов», говоря о влиянии тепла и холода на нервные центры и развитие психических склонностей у разных живых существ.

Проведя свыше трех лет в путешествиях, Монтескье вернулся во Францию и жил временами в замке ла Бред, временами в Париже, уйдя с головой в научную и литературную работу. Плодом его труда явились вышедшие в 1721 г. в Амстердаме «Персидские письма». Это была острая, бичующая сатира — блестящая пред-

^{*} Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. — М.: Госполитиздат, 1950. — С. 16.

^{**} Критический анализ воззрений Монтескье см.: Волгин, В. П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748–1789). — М.: Л., 1940. — С. 97–131.

^{***} Oeuvres complètes de Montesquieu. — Paris, 1838. — P. 619–620.

шественница бессмертной комедии Бомарше, — художественно отразившая состояние умов во Франции накануне великих исторических событий. За «Персидскими письмами» последовали «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян», проникнутые республиканским пафосом и прославлением любви к свободе. Они представляли собой ценный опыт научной обработки истории, попытку объяснить судьбу римского народа его собственной историей. Через четырнадцать лет после «Рассуждений», в 1748 г., вышел в свет главный труд Монтескье — «Дух законов», — появление которого было настоящим событием не только во Франции, но и далеко за ее пределами. В «Духе законов» Монтескье вернулся к основной интересовавшей его и намеченной им уже в его более ранних работах проблеме закономерности в историческом процессе, стремясь найти в массе исторических событий, в разнообразии учреждений, в изменчивой судьбе государств путеводную нить.

Центральным пунктом развитой здесь концепции Монтескье являлась так называемая «теория климата», которую Монтескье выдвинул в противовес теологическим объяснениям общественной жизни. По мнению Монтескье, среди факторов, определяющих характер народов, а следовательно, и их законов, на первом месте стоят факторы физические: климат, почва, устройство поверхности. «Как ни наивны иногда, — справедливо отмечает В. П. Волгин, — представления Монтескье о влиянии этих факторов, самая идея связи социальных явлений с материальной, географической средой была в его время передовой идеей не только по отношению к теологическому мировоззрению, но и по отношению к рационалистическим концепциям, выводившим социальное бытие из *a priori* данных “естественных свойств” человека»*. Следует отметить, что, придавая огромное, решающее значение географическому фактору, Монтескье, однако, не исключает и роли других факторов и оговаривает в ряде мест ограниченность действия так называемого «климата». Так, например, он указывает на то, что «законы находятся в очень тесном соотношении с теми способами, посредством которых различные народы добывают себе средства к существованию»**. Но эта идея остается

* Волгин, В. П. Указ. соч. — С. 102.

** Монтескье, Ш. Л. О духе законов. — СПб., 1900. — С. 281.

у Монтескье брошенной на ходу блестящей догадкой, не получающей раскрытия в дальнейшем ходе рассуждений Монтескье.

Любознательность Монтескье к жизни других стран была ненасытна. Монтескье проявлял глубокий интерес не только к Западу, но и к странам Восточной Европы, а также к Китаю, Индии, Японии, Турции. Он особенно интересовался Россией и соседней с ней Польшей*. Суждения Монтескье о России, высказанные в «Духе законов», не оставляют сомнений в этом**.

Русская культура была издавна связана с культурой французского народа. Взаимные связи русской и французской общественной мысли были длительными и плодотворными. В произведениях крупнейших французских писателей-гуманистов XVI в. — таких, как Боден¹ и Монтень, — имелись любопытные сведения о России, свидетельствовавшие о живом интересе этих передовых умов своего времени к Русскому государству***. Весьма интенсивным стало культурное общение России с Францией в XVIII веке. Идеи французских просветителей, как известно, нашли широкий отклик далеко за пределами Франции, и в частности среди прогрессивных кругов русского общества. Сочинения французских писателей в огромном количестве ввозились в Россию; произведения Монтескье, Вольтера, Гельвеция****, Гольбаха,

* Этот интерес Монтескье к странам Восточной Европы вообще и к России и Польше в частности справедливо отмечен в работе В. Ю. Виппера «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе». — М., 1913. С. 37.

** В «Духе законов» имеются 23 прямые ссылки на Россию.

*** Весьма интересные и ценные сведения о России были опубликованы известным французским географом и путешественником XVI в. Андре Теве в его «Cosmographie universelle». Главы из этого сочинения, относящиеся к России, были впоследствии выпущены отдельным изданием под названием «Cosmographie moscovite». Информация Теве, который, по-видимому, встречался с «московитами» или, во всяком случае, с людьми, бывшими в «Московии», и его «Московский словарь», содержащий 644 слова и маленькие русские фразы, были использованы Боденом в его «Methodus». Монтень же, лично знавший Теве и имевший его сочинения в своей библиотеке, несомненно, использовал сведения Теве о России. Важные сведения о России сообщал знакомый с Боденом и Монтенем Юбер Ланге.

**** В 1788 г. в Тамбове вышла книга «Дух Гельвеция», представлявшая краткое изложение основных мыслей сочинения Гельвеция «Об уме»; в журнале «Собрание новостей» за март–апрель 1776 г. была напечатана статья «Из

Дидро и Руссо появлялись в русских переводах и обсуждались на страницах русской печати.

«Большую судьбу» имел в России Монтескье. И это не было случайностью, а вызывалось социально-политической обстановкой России того времени. Обострение классовой борьбы, нарастание крестьянского движения, выразившееся, начиная с середины XVIII в., в целом ряде всплесков крестьянских восстаний в разных местах страны, слившихся под конец в крестьянскую войну под руководством Е. И. Пугачева, всколыхнули все слои тогдашнего русского общества, в том числе и его дворянскую верхушку. И если большинство дворян искало выхода из создавшегося положения в дальнейшем усилении самодержавно-крепостнического режима, то другая часть дворянства выдвигала различные проекты государственных реформ. Проекты ограничения русского самодержавия приобрели особую актуальность после переворота 28 июня 1762 г. и воцарения Екатерины II. Правительство было весьма обеспокоено наличием дворянской оппозиции (группа братьев Паниных и другие течения), но несравненно сильнее беспокоил его в связи с грозными предвестниками крестьянской войны прогрессивный лагерь русских просветителей*. В этой обстановке повышенного внимания к вопросам государственного

сочинений «Об уме». Первоначальные понятия»; в русской периодической печати XVIII в. известны и другие переводы отдельных глав из этой же книги Гельвеция. См.: Рачинский, А. В. Русские ценители Гельвеция в XVIII в. (по документам Московского главного архива Министерства иностранных дел) // Русский вестник. — Т. 123. — 1876. Мы анализируем эти архивные донесения в другой готовящейся к печати работе. См. также Терновский, Ф. Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции // Труды Киевской духовной академии. — Т. II и III. — Киев, 1868.

* См.: Семевский. Вопрос о преобразовании государственного строя в России в XVIII и первой четверти XIX века // Былое». — 1906. — № 1; Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли // Соч. — Т. XXI и XXII; см. также посвященные русской общественной мысли XVIII в. исследования советских авторов, в частности: Макагоненко, Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. — М., 1951; Орлов, В. Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. — М., 1950; История русской литературы. — Т. III. — Ч. I. — М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1941. — С. 383 и сл.; Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. со вступительной статьей Щипанова. — Т. I и II. — М., 1952; Берков. История русской журналистики XVIII века. — М., 1951; Тихомиров, М. Н. Русская историография XVIII века // Вопросы истории». — 1948. — № 2; Федосов, И. А. Вопросы сельского хозяйства в публицистике М. М. Щербатова // Ученые записки МГУ. — Вып. 156. — 1952.

преобразования и к политическим вопросам вообще усилился интерес к идеям французских просветителей, и в частности к идеям Монтескье.

Крупным знатоком Монтескье являлся знаменитый русский просветитель и первый русский сатирик Антиох Дмитриевич Кантемир. Получив назначение полномочного министра России во Франции и переехав в сентябре 1738 г. в Париж, Кантемир завязал здесь близкое знакомство с французскими просветителями и особенно подружился с выдающимся французским ученым Пьером-Луи Мопертюи (1698–1759). Здесь же Кантемир близко сошелся с Монтескье и его ближайшими друзьями, аббатом Венути (1702–1769), написавшим впоследствии содержащую ценные сведения биографию Кантемира, и аббатом Гуаско, который перевел на французский язык сатиры Кантемира*.

Ознакомившись с блестящей сатирой Монтескье на разлагающуюся французскую абсолютную монархию, его знаменитыми «Персидскими письмами», Кантемир решил сделать их достоянием русских читателей и перевел на русский язык. Перевод этот, к сожалению, не сохранился**, но горячий интерес Кантемира к концепциям Монтескье явствует из его отзывов о новых взглядах Монтескье на научную историографию после того, как он ознако-

* См.: Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира. — СПб., 1867. — Т. I / Вступительная статья В. Я. Стоюнина. — С. XVII. Гуаско был особенно близок с Кантемиром, что видно из письма Монтескье к Гуаско, в котором Монтескье пишет, что узнал от аббата Венути об огромном горе, постигшем Гуаско, — смерти кн. Кантемира. См.: *Oeuvres complètes de Montesquieu*. — P. 640.

** До нас дошел другой перевод (сделанный Кантемиром незадолго до смерти) «безбожного сочинения» французского просветителя Фонтенеля (1657–1757), современника Монтескье. Этот перевод под названием «Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля, парижской академии секретаря», который Кантемир к тому же «потребными примечаниями изъяснил», ярко рисует передовое мировоззрение нашего просветителя, решительно придерживавшегося учения Коперника, живо интересовавшегося ньютоновой небесной механикой, признававшего ценность геометрических идей Декарта и убедительно критиковавшего астрономию Аристотеля и Птолемея. За смелость содержащихся здесь суждений Кантемира перевод его был через несколько лет по требованию Синода (1757) уничтожен как «вере святой противный». См. указ. соч. Кантемира. — Т. II. — С. 446. См. также: История русской литературы. — Т. III. — Ч. I. С. 208–212; Райков, Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. — М.; Л., 1947.

мился с работой Монтескье «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян» (1734). Этот интерес Кантемира к Монтескье увековечил в русской литературе К. Н. Батюшков в статье «Вечер у Кантемира»*, отмеченной В. Г. Белинским в его очерке, посвященном Кантемиру**. Можно предполагать, что Кантемиру удалось познакомить русских читателей с «Персидскими письмами» Монтескье как раз тогда, когда они произвели в Европе не меньшую сенсацию, чем в свое время «Письма темных людей»***.

Передовые круги русского общества с интересом читали ввозившиеся в Россию сочинения французских просветителей и материалистов, идеи которых страстно волновали их, в особенности в связи с широкообещательными обещаниями Екатерины II при ее воцарении ввести некоторые свободы в стране. Ожидание политических реформ, новых «государственных установлений» усиливало интерес к политическим концепциям французских просветителей и, в частности, к законодательным вопросам, получившим новую научную трактовку у Монтескье. Идеи Монтескье приобрели поэтому широкую известность в России еще до обнародования «Наказа» Екатерины II****.

* См.: Батюшков, К. Н. Соч. — М., 1898. Приведем лишь одну любопытную выдержку из этой статьи. Изобразив Кантемира якобы беседующим с Монтескье о его «Духе законов» (до появления в свет которого Кантемир не дожил), Батюшков вкладывает в уста Кантемира следующие возражения: «Вы говорите, власть климата есть первая из властей. Однако с успехами людскости и просвещения север беспрерывно изменяется и, если смею сказать, прирастает к просвещению Европы. Скажите: когда Тацит описывал германцев, думал ли тогда Тацит, что в диких лесах ее возникнут города великолепные, что в древней Паннонии и Норике родятся светильники ума человеческого?» (С. 363).

** См.: Белинский, В. Г. Соч. в 3 томах. — Т. II. — СПб., 1911. — С. 1045.

*** В «Письмах об изучении природы» Герцен писал о «Персидских письмах» Монтескье: «...вышли "Lettres Persanes" ("Персидские письма") Монтескье, и Париж был до того скандализован смелостью этой книги, что регент, смеявшийся от души над письмами Рики, Узбека, должен был уступить общественному мщению и, для приличия, немного потеснить автора». Герцен А. И. Соч. — Т. IV. — С. 180–181.

**** «Дух законов» Монтескье был переведен на русский язык в XVIII в. дважды: в 1769 и 1770 годах. Об интересе к идеям Монтескье и других французских просветителей см., например, свидетельство современника, мемуариста XVIII в. Добрынина, который писал: «Прочитав некоторые переводы Лесажа, Волтера, Монтескью, мне внушилось, что ... сочинения первых трех суть явления, отверзающие умственный глаз подобных им человеков, и оживотворяющие ощутительно душу мыслящего существа» (Истинное

Можно думать, что, уделяя им так много места в «Наказе», Екатерина откликалась на происходившие вокруг нее обсуждения, о которых она была хорошо осведомлена и которые она желала направить по определенному руслу, «приуготовить умы», как выразилась сама императрица. Недаром Екатерина обсуждала «Наказ» со своими советниками и людьми, хорошо знакомыми с идеями французских просветителей еще до того, как начались заседания Комиссии по составлению проекта нового Уложения.

В 1766 г. «Наказ» был сообщен «отцу русского театра» А. П. Сумарокову. Хорошо знавший «Дух законов» Монтескье, Сумароков совершенно иначе, чем Екатерина, стремился применить некоторые его положения к условиям русской действительности. Оставляя в силе монархическое правление и крепостное право, Сумароков выдвигал свой либерально-дворянский план создания новой законодательной системы в России. Замечания Сумарокова на «Наказ» вызвали раздраженную отповедь самовластной императрицы, которая приписала к ним: «Господин Сумароков хороший поэт, но слишком скоро думает. Чтобы быть хорошим законодателем, он связи довольные в мыслях не имеет». В своих замечаниях Сумароков сделал следующее выразительное упоминание о Монтескье: «Великие и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескиу, то и в нем многое критике подлежит, о чем против его и писано». К этим словам Екатерина, уподобив себя Монтескье, приписала: «Многие критиковали Монтескиу, не разумея его: я вижу, что я сей жребий с ним разделю»^{*}.

В письме к Даламберу² Екатерина сообщала о своей работе над «Наказом» следующее: «Вы увидите из “Наказа”, как я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его: надеюсь, что если б он с того света увидел меня работающею, то простил бы этот плагиат ради блага 20 миллионов людей, которое из того последует. Он слишком любил человечество, чтобы

повествование, или жизнь Гавриила Ивановича Добрынина, им самим написанная // Русская старина. — 1871. — Т. III. — С. 604). Ср. также отзыв на этот счет великого русского революционера и патриота А. Н. Радищева: «В обширной Российской империи... с удовольствием читают Локка, Даламберта, Монтескию, Реналья...» (Радищев, А. Н. Соч. — Т. III. — М.; Л., 1952. — С. 312)..

^{*} См.: Бумаги императрицы Екатерины II. — СПб., 1872. — Т. II. — С. 83–84, 87.

обидеться на это; его книга служит для меня молитвенником. Вот, государь мой, образчик судьбы, которой подвергаются книги гениальных людей: они служат для благосостояния человеческого рода»^{*}.

Екатерина II, несомненно, широко воспользовалась «Духом законов», но применила его к Российскому государству с весьма существенными и принципиальными отклонениями, совершенно исказив его, вывернув идеи Монтескье наизнанку. Екатерина решительно отбросила конституционно-парламентарную теорию Монтескье и истолковывала его руководящие идеи в духе «просвещенного абсолютизма». Она брала у Монтескье то, что ей хотелось, и применяла положения Монтескье к условиям русской действительности соответственно своим замыслам.

Действительно, каковы были суждения Монтескье о Русском государстве, содержащиеся в «Духе законов», и исходила ли из них Екатерина в своем «Наказе»? Следует прежде всего установить, на каких источниках основывались суждения Монтескье о России. Одним из таких источников был трактат состоявшего на службе у Петра Великого в 1698–1715 гг. строителя кораблей, доков и каналов капитана Джона Перри³ «The State of Russia under the present Czar», вышедший в Лондоне в 1716 г. и переведенный в следующем году на французский язык^{**}. Другие имеющиеся в «Духе законов» данные о России, относящиеся к более позднему времени, чем сведения Перри, были почерпнуты Монтескье из разговоров с современниками, побывавшими в России, которых он с жадностью расспрашивал (брат аббата Гуаско, граф Гуаско⁴, побывал в России, и Монтескье часто беседовал с ним о России); можно предположить, что у Монтескье были и другие, до сих пор не выявленные письменные источники о России.

Выводы Перри о русском государственном строе, который он признал «самопроизвольным», то есть деспотическим и характеризующимся отсутствием свободы личности и необеспеченностью частной собственности, могли произвести сильное впечатление на Монтескье, поскольку дело шло об очень дорогих ему прин-

^{*} Сборник императорского русского исторического общества. — Т. X. — С. 31.

^{**} Монтескье пользовался этим французским переводом Перри. По-русски «Настоящее состояние России» Джона Перри напечатано полностью в «Чтениях Московского общества истории и древностей российских». — Т. I и II. — 1871. Монтескье сам неоднократно указывает на Перри в качестве источника. См., например: Монтескье, III. Л. О духе законов. — С. 96.

циях свободы и частной собственности, но, несмотря на это, он решительно отвергнул трактовку Русского государства, данную Перри. В отличие от Перри Монтескье высказал в «Духе законов» суждения о России, проникнутые симпатией к русскому народу и верой в его будущее. Монтескье, с своей стороны, называет образ правления в России «произвольным», то есть деспотическим, но он различает два вида деспотий — восточную и европейскую. Характерными признаками восточной, азиатской, деспотии являются великий визирь, евнухи, сераль и тому подобные атрибуты*. Другое дело — европейская деспотия, под которой Монтескье понимает не изначальную, а извращенную форму правления, монархию, выродившуюся в деспотизм. (Эта форма правления особенно интересовала Монтескье, поскольку в правлении Людовика XIV и его преемника он усматривал опасные признаки именно этой эволюции к деспотизму, но цензурные соображения заставили Монтескье не распространяться о западноевропейском деспотизме.)

Исходя из своей «теории климата», Монтескье считал, что в Европе нет автохтонного деспотизма, и рассматривал русский деспотизм под тем же углом зрения, что и западноевропейский. Это явствует хотя бы из суждения Монтескье о преобразовательной деятельности Петра Великого. «Петр I, — пишет автор “Духа законов”, — вводя нравы и обычаи Европы в европейский народ, находил такие облегчения своему делу, которых он и сам не ожидал. Власть климата сильнее всех властей”**. Монтескье был убежден в недолговечности русского самодержавия, ибо Россия — страна европейская, в которой деспотизм — явление не исконное, а нажитое, установившееся ввиду неблагоприятных политических и этнографических условий. Монтескье рассматривал русский деспотизм как следствие татаро-монгольского завоевания***. Рос-

* См. Монтескье, Ш. Л. О духе законов. — Кн. II. Гл. 5 «О законах, относящихся к природе деспотического государства». — С. 23–24.

** Там же. — С. 306.

*** Так, например, Монтескье пишет: «Обстоятельство, облегчавшее преобразование (Монтескье имеет в виду реформы Петра Великого. — Ф.К.-Б.), заключалось, в том, что тогдашние нравы были не согласны с климатом страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями» (там же). В другом месте Монтескье отмечает: «Татары, разрушив греческую империю, установили в завоеванном крае рабство и деспотизм» (Там же. — С. 274).

сия не представлялась Монтескье государством, в котором народ обречен на длительное политическое рабство. «Посмотрите, — заявляет Монтескье, — с каким усердием старается московское правительство высвободиться из деспотизма... Оно уничтожило целые большие отделы своего войска (Монтескье имеет в виду стрельцов, — Ф.К.-Б.), смягчило кары за преступления, установило суды, начало познавать законы, просвещать народ»*. В том же направлении должно действовать и раскрепощение женщины. «Изменение нравов женщин, — пишет Монтескье, — окажет, без сомнения, сильное влияние на правление московского государства. Все тесно связано: деспотизм естественно соединяется с рабством женщин»**. Монтескье расценивает эпоху Петра Великого как «движение русского государства к новой жизни»***.

Как же отнеслась в своем «Наказе» Екатерина II к прогнозам Монтескье о непрочности политического порабощения русского народа? Она попросту отбросила их и, называя форму правления Российской империи «законной монархией», положила в обоснование необходимости самодержавия для России тот принцип Монтескье, который он считал «отличительным свойством деспотического правления». «Обширная империя предполагает, — писал автор “Духа законов”, — деспотическую власть в том, кто ею управляет. Надо, чтобы быстрота выполнения приказаний правителей уравнивала отдаленность мест, куда эти приказания рассылаются... чтобы весь закон был сосредоточен в одной особе...»****. Но Монтескье при этом признавал возможность республиканского правления и на обширных территориях, в виде федерации государств.

Статья 8-я обставленного Екатериной II «Наказа» гласила: «Российского государства владения простираются на 32 степени

* Там же. — С. 65.

** Там же. — С. 266.

*** О превосходстве русских над Карлом XII Монтескье пишет следующее: «Он (Карл XII. — Ф.К.-Б.) задумал сокрушить не государство в периоде упадка, а империю в периоде ее зарождения. Москвитяне воспользовались войной с ним, как школой. После каждого поражения они приближались к победе и, терпя внешний урон, научались внутренней обороне... Не Полтава погубила Карла: он все равно погиб бы, если не в этом, то в другом месте» (Там же. С. 147).

**** Там же. — С. 128.

широты и на 165 степеней долготы по земному шару»*, в соответствии с этим в России «государь есть самодержавный» (ст. 9). «Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел из дальних стран присылаемых награждала медленность отдаленностью мест причиняемое» (ст. 10). На основании всего этого делался вывод, что самодержавие — наилучшая форма правления для России и «всякое другое правление не только было бы в России вредно, но и в конец разорительно» (ст. 11).

Между тем в своих замечаниях на книгу Струбе де Пирмонта⁵ (анонимную) «Lettres Russiennes» (1765), не предназначавшихся для печати, Екатерина, высказываясь о наиболее подходящей для России форме правления, прямо писала: «Обширная империя, такая, как Россия, погибла бы, если бы в ней установилось какое-нибудь другое правление, а не деспотическое, ибо только оно способно с необходимой быстротой справляться с нуждами отдаленных областей; всякое же иное правление своею медлительностью парализовало бы то деятельное начало, которое есть основа всякой жизни. Поэтому мы лишь молим бога о том, чтобы он ниспослал нам разумных государей, которые подчиняются законам и действуют лишь по зрелом размышлении, руководствуясь единственно интересами блага своих подданных»**.

Из приведенных примеров ясно, как далеко расходились пути Екатерины II и французских просветителей. Искжая и фальсифицируя идеи французских просветителей, Екатерина стремилась создать официальное псевдопросветительство, чтобы добиться таким образом опеки над умами, правительственного руководства общественным движением. Недаром Герцен, касаясь этой стороны дела, справедливо отметил «екатерининское чернильное кокетство с Вольтером и Дидро, ее литературное *la veine* у Монтескье»***.

* Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии по сочинению проекта нового уложения / Под редакцией Н. Д. Чечулина. — СПб., 1907. — С. 3. Этот подлог Екатерины II — именование деспотизма законной, то есть конституционной, монархией — отметил Н. Д. Чечулин в своей вступительной статье к указанному изданию.

** См.: Сочинения императрицы Екатерины II. — СПб.: Изд. Академии наук, 1907. — Т. XII. — С. 674 (замечания Екатерины написаны по-французски).

*** Герцен, А. И. Соч. — Т. XX. — С. 398. Слово «*la veine*» в данном случае означает «источник вдохновения». Ср. также следующее суждение о «Наказе» Л. Н. Толстого: «В “Наказе” Екатерины проявляются два начала:

Однако надо учесть, что в царствование Екатерины «Наказ» был издан восемь раз, что в заседаниях Комиссии он прочитывался целиком в начале каждого месяца в присутствии сотен людей, что он разослан был в каждую губернскую канцелярию, а в 1768 г. сенат распорядился, чтобы в каждом присутственном месте «Наказ» прочитывался по крайней мере три раза в год*. Это привело к тому, что значительное число русских людей знакомились не только с «Наказом», но, вопреки желаниям правительства, и с некоторыми важными идеями Монтескье.

Взглядам Монтескье в 80-х годах был посвящен специальный лекционный курс в Московском университете. В публичных извещениях Московского университета о лекциях на 1782/1783 академический год объявлялось, что лицензиат Яков Шнейдер, «теоретически искуснейший профессор», будет читать лекции о «Духе законов» Монтескье для студентов на латинском и для дворян на французском языке без платы**. Эти лекции не только читались по 8 часов в неделю***, но и вышли отдельным изданием под названием «Рассуждения на Монтескиеву книгу о Разуме законов или Уроки всеобщей Юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете» — № 1. Изданием Н. Н. Новикова и Комп. — В Москве. В университетской типо-графии у Н. Новикова. 1782 г. 8°. 8 нумерованных + 97 нумерованных стр.» (*«Discours sur l'Esprit des Lois de Mr. de Montesquieu ou Leçons de Jurisprudence universelle lues dans l'Université de Moscou»*)⁶.

Я. И. Шнейдер, умерший в 1848 г. в Одессе на 102-м году жизни, был членом «Дружеского ученого общества» выдающегося русского просветителя Николая Новикова, чем и объясняется то, что «Рассуждения» Шнейдера выпущены были «изданием Н. Н. Новикова и Комп.». Касаясь в посвящении вопроса «о пользе и благосостоянии, проистекающих для народов от мудрого законодательства», Шнейдер пишет: «Наконец убедились в том,

революционные идеи современной Европы и деспотизм самой Екатерины и тщеславие ее, последнее начало преобладает» (см.: Бирюков. Биография Л. Н. Толстого. — Т. I. — М., 1923. — С. 62).

* См.: Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под редакцией Н. Д. Чечулин». — С. XVI.

** Русский биографический словарь. — Т. XXIII. — СПб., 1911. — Стб. 357.

*** См.: Russische Bibliothek. — Bd. VIII. — Unterricht bey der Moscovischen Universität, 1873. — S. 575.

что несравненно выше населить, *просветить* страну, нежели погубить ее мирных обитателей, предавая их огню и мечу; и пришли к тому заключению, что страшные завоеватели, протекавшие вселенную подобно огненным потокам, скорее могут назваться разбойниками, заслуживающими не удивления, но проклятия, тогда как с чувством уважения и любви вспоминают о благодетелях рода человеческого, просветивших его в Азии и Греции, и гений которых столько веков охранял его благополучие»^{*}.

Центральный пункт концепции Монтескье, его так называемая «теория климата», представлял собой неудачную, но, несомненно, материалистического характера попытку внести в объяснение исторического процесса понятие необходимости, а следовательно, и закономерности. Она-то, будучи основой всего построения Монтескье, и вызывала оживленное обсуждение ее как на страницах отдельных сочинений, так и русских журналов XVIII века.

Прежде всего следует отметить воззрения на этот счет представителя русской дворянской историографии, младшего современника Монтескье — И. Н. Болтина⁷. Пытаясь вскрыть закономерность в историческом процессе, Болтин приходил к выводу, что фактором, вносящим закономерность в волнующееся море исторических явлений, служат климат, то есть географическая среда. При этом Болтин обнаруживал блестящее знание древних — Аристотеля, Полибия, Витрувия — и новых авторов, писавших на эту тему. К суждениям тогдашнего виднейшего представителя так называемой «теории климата» — Монтескье — Болтин подошел критически. Возражая Леклерку⁸, автору «Истории России древней и нынешней»^{**}, утверждавшему, что не климат «устраивает» людей и что нравы происходят от воспитания, Болтин писал: «Некоторые, любящие попускаться в крайности, климату более надлежащего могущества присвоили, и все перемены в людях и государствах из него выводили; другие, напротив, все от него отняли и оставили его без силы и действия. Из числа первых суть Монтескью и Дюбое, а из числа последних Гелвеций, с которым Г. Леклерк, будучи одного ремесла, восхотел быть и одинакового

^{*} Губерти, Н. В. Материалы к русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом. — Вып. II. — М., 1881. — С. 104–105.

^{**} Leclerc. Histoire physique, civile et politique de la Russie ancienne et moderne. — Vol. I–V. — 1783–1785.

мнения» (Болтин имеет в виду, что оба они были врачами. — Ф. К.-Б.).

«Но я последую тем, кои держатся средняя дороги, то есть кои, хотя и полагают климат первенственною причиною в устроении и образовании человеков, однако ж и других содействующих ему причин не отрицают. По их мнению, климат имеет главное влияние в наши тела и нравы; прочия ж причины, яко воспитание, форма правления, примеры и прочия, суть второстепенныя или побочныя; они токмо содействуют, или, приличнее, препятствуют действиям оного»^{*}.

Мы не можем здесь вдаваться в вопрос, насколько прав Болтин, утверждая, будто Монтескье объясняет все климатом, а Гельвеций, наоборот, отрицает какую бы то ни было роль климата в исторических судьбах народов^{**}; нам важно только отметить, что, являясь сторонником «теории климата», Болтин отмежевывается от Монтескье и солидаризируется в этом вопросе с теми, «кои держатся средняя дороги».

Обсуждение «теории климата» интересовало, однако, не только русских историков. Оно привлекало к себе внимание более широких кругов русской общественности. Об этом свидетельствует сравнительно большое число статей (оригинальных и переводных), которые можно найти в русских журналах XVIII века. Из них мы назовем, например, следующие статьи: в журнале «Чтения для вкуса, разума и чувствований» (ч. III. 1791 г.) имеется любопытная статья «Нечто из влияния климата в рассуждении о обычаях народов»; в тобольском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» за июнь и июль 1791 г. мы встречаем статью «Исторические известия о влиянии климата на национальные характеры человечества»; в журнале «Приятное и полезное препровождение

^{*} См.: Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. — Т. I. — 1788. — § 11. — С. 5–6.

^{**} Книга Гельвеция «Об уме», в которой подчеркивалось значение общественных интересов, роли орудий (лук, стрела, сеть и т. д.) в развитии человека и форм хозяйства (земледелие, охота) в образовании общества, вышла в 1758 году. Дидро писал о ней: «Это, собственно, предисловие к “Духу законов”, хотя автор не всегда согласен с Монтескье». См.: Размышления по поводу книги Гельвеция «Об уме» // Дидро, Д. Соч. — Т. II. — М.; Л., 1935. — С. 117.

времени» (ч. XIII. 1797 г.) находим статью «Влияние климата на искусство» и т. д.

Принципиально по-иному, чем официальные круги Россия и чем дворянские либералы, подошли к истолкованию важнейших идей Монтескье русские просветители второй половины XVIII века. Демократическое мировоззрение в России рождалось в острой борьбе прогрессивных мыслителей с воинствующими защитниками старых порядков. Решающее значение для развития русского просветительства XVIII в. имело нарастание борьбы поработенных крестьянских масс против феодально-крепостнических отношений, против самодержавия. Это обусловило и более радикальную постановку и решение социально-политических проблем в работах русских просветителей XVIII века. Поэтому многие из них, как показано будет ниже, подвергали концепции Монтескье серьезной, принципиальной критике. К тому же по мере приближения французской революции, уже в 70-х годах XVIII в., гораздо большую популярность, чем теории Монтескье, приобрели несравненно более радикальные идеи Руссо. Но такого титана русского просветительства, как А. Н. Радищев, олицетворявшего вершину русской общественно-политической мысли XVIII в., не удовлетворяло и то решение общественно-политических проблем, какое давало левое крыло французских просветителей (Руссо, Мабли, Рейналь); он подвергал критической оценке их выводы и, стремясь найти ответы на вопросы, поставленные ходом исторического развития России, давал самостоятельные решения многих коренных социально-политических вопросов, принципиально расходившиеся с решениями западноевропейских просветителей.

Из русских просветителей, предшественников Радищева, особый интерес для нашей темы представляет С. Е. Десницкий⁹. В связи с деятельностью Уложенной комиссии заслуживает внимания поданный императрице Екатерине II на втором году работы Комиссии проект государственного устройства под названием «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», принадлежащий перу С. Е. Десницкого, передового, демократически настроенного просветителя XVIII века. Выдающийся правовед, противник крепостного рабства и самодержавного произвола, Десницкий добивался специальных законодательных мер для улучшения

правового положения народа, для повышения благосостояния всех крестьян и особенно крепостных. «Представление» является одной из ранних работ Десницкого, показывающей, как Десницкий с самого же начала своей деятельности пытался провести свои идеи в жизнь.

В первом же абзаце «Представления» встречаем ссылку на Монтескье. Указав, что от разделении законодательной, исполнительной и судебной властей зависит «все главное правление в государствах», Десницкий отмечает: «Многие политические авторы, а особенно барон де Монтескью в своем сочинении «*Sur L'esprit des loix*» [«О духе законов»] писали о сих трех властях, так как оные учреждены были в разных государствах». Далее Десницкий выразительно подчеркивает, что при восстановлении в стране законности, которая была нарушена и поправа, «учреждение сих властей... должно составлять у позванных на такое дело подданных (то есть депутатов. — *Ф. К.-Б.*) первый рассуждения предмет»*. Разоблачая таким образом декларативный характер «Наказа» Екатерины II, Десницкий стремился поставить перед Уложенной комиссией именно тот связанный с формой правления вопрос о разделении властей, который, по его мнению, должен был стоять в центре внимания депутатов. «На искусном учреждении сих властей, — писал здесь Десницкий, — все блаженство подданных и государей состоит»**. Десницкий предлагал составить сенат из выборных со всей империи, предоставив право голоса не только дворянам, но и купцам и «рукомышленным людям», а также университетам и другим ученым корпорациям. Все выбранные в сенат должны иметь равный «свободный голос», а дела должны решаться большинством голосов. В отношении «судительной» власти Десницкий настаивал на введении суда присяжных и гласности судопроизводства, введении состязательного процесса и несменяемости судей.

Большой интерес представляет отношение к концепциям Монтескье А. Н. Радищева, выдающегося продолжателя научных, материалистических традиций Ломоносова. Ломоносов оказал воздействие не только на «Путешествие из Петербурга в Москву», которое заканчивается специальным «Словом о Ломоносове», но

* Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. — Т. I. — С. 294.

** Там же. — С. 317.

и на написанный Радищевым в сибирской ссылке философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», содержащий квинтэссенцию его материалистического мировоззрения. Здесь среди других вопросов встречаем высказывания Радищева о так называемой «теории климата» Монтескье. На этих высказываниях Радищева легко убедиться, что он отнюдь не принадлежал к числу тех авторов, которые «приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием», а относился к тем мыслителям, которые, как он выразился в своей статье об Ушакове, «укрепив природные силы своя учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные»^{*}.

Устанавливая свое отношение к концепции об определяющем значении климата и географической среды вообще на ход исторического развития народов и сочувственно сославшись на «славного» Монтескье, Радищев писал: «Физические причины, на умственность человеческую действующие, можно разделить на два рода. Одни действуют повременно, и действие оных наипаче приметно бывает над единственными людьми... Другие же причины действуют неприметным образом, и сии суть общественны, и действия оных приметны над целыми народами и обществами. Хотя смеялись над славным Монтескье, что он мнение свое о действии климата основал на замороженном телячьем языке^{**}, но если вникнем, что климат действует на все тела без различия, а паче на все жидкости, на воздух, лучи солнечные и проч.; что роза, пересаженная из одной страны в другую, теряет свою красоту; что человек, хотя везде человек, но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно, и что оно человека погубляет, так сказать, неприметно и без явного принуждения. Возьми в пример Европейцев, переселяющихся в Индию, Африку и Америку, какая в них ужасная перемена! Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и *habeas corpus*¹⁰; он паче всякого Индейского Набоба»^{***}.

Отдавая дань учению о роли географического фактора и климата в истории, Радищев, однако, шире понимает влияние «естественности», то есть физических условий вообще, и подчеркивает также значение социальных факторов, в том числе экономического. «Но

^{*} Радищев, А. Н. Соч. — Т. I. — М.; Л., 1938. — С. 180–181.

^{**} См. выше.

^{***} Радищев, А. Н. Соч. — Т. II. — М.; Л., 1941. — С. 63–64.

если климат и вообще естественность, — писал Радищев, — на умственность человека столь сильно действуют, паче того образуется она обычаями, нравами, а *первый учитель в изобретениях был недостаток*. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин...» Заявляя о первенствующей роли материальных потребностей в «изобретениях разума» и о большем влиянии на человека нравов и обычаев, то есть общественного устройства, чем географической среды, Радищев делал по сравнению с Монтескье и другими французскими просветителями крупный шаг вперед в сторону материалистического понимания истории. Вывод, сделанный Радищевым, естественно вытекал из той огромной роли, которую он всегда отводил общественному бытию в формировании человека, решительно расходясь в этом с Руссо. «Человек рожден для общежития», — писал Радищев и, укоряя в непонимании этого Руссо, заявлял: «О, Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная?»*.

Исходя из того, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние», Радищев высоко оценил страстные обличения «тиранства» в работе Монтескье «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян». В своей написанной в последний год жизни поэме «Песнь историческая», излагающей всю всемирную историю с целью показать, какие уроки для современности можно извлечь из событий прошлого, Радищев использует огромный исторический материал для доказательства несостоятельности деспотического самодержавия как политической формы правления. Сравнивая Катона и Цицерона, А. Н. Радищев заявляет: «Монтескье о вас да судит» — и далее дает перевод соответствующего отрывка из XII главы «Рассуждений» Монтескье. Несколько ниже, говоря о Тиберии, Радищев опять ссылается на Монтескье, называя его «бессмертным мужем» и излагая отрывок из главы XIV того же сочинения Монтескье, в котором говорится, что нет тирании более жестокой, чем та, которая осуществляется под сению законов и под знаком правосудия, когда, так сказать, топят несчастных на той самой доске, на которой они спаслись**.

* Там же. — С. 57–58.

** См.: Радищев, А. Н. Соч. — Т. I. — С. 103, 106–107.

Но зато весьма критически отнесся Радищев к теории разделения властей Монтескье. Радищев отвергал предложенное Монтескье разделение властей, которое у Монтескье выражало стремление к компромиссу между аристократией и буржуазией при сохранении монархии. Радищев же считал, что добиваться политической свободы надо не путем малоэффективного разделения властей, а путем свержения абсолютизма и создания подлинно народного правительства. «Монтескию и Руссо, — писал по этому поводу Радищев, — с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древняя республики, ассирийския (то есть азиатские. — Ф.К.-Б.) правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие^{*}. Хотя Радищев и признавал «Дух законов» Монтескье «бессмертным сочинением»^{**}, но сам он в вопросе «о разуме законов» исходил из принципиально иных положений. В этом легко убедиться хотя бы на примере деятельности Радищева в период его краткого пребывания после возвращения из Сибири в Комиссии по составлению законов, где Радищев неустанно боролся с классовым царско-дворянским законодательством, стараясь осуществить идеи равенства всех людей перед законом, защиты и неприкосновенности личности вне зависимости от сословного принципа, и где он особенно гневно протестовал против крепостного состояния.

Любопытным отзвуком интереса к идеям Монтескье последователей Радищева^{***} является статья, помещенная в январской книжке за 1798 г. «Санктпетербургского журнала», во главе которого стоял «первый радищевец», как его часто называют, известный литератор И. П. Пнин. Кроме Пнина, близкое участие в редактировании журнала принимал А. Ф. Бестужев¹¹, отец четырех декабристов, сам известный «вольтерианец». «Санктпетербургский журнал» был одним из самых интересных и общественно значительных

* Радищев, А. Н. Соч. — Т. III. — С. 47.

** Там же. — С. 147.

*** Идеи Радищева были руководящей программой организованного в 1801 г. в Петербурге «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», особенно в ранний период его существования. Ряд участников этого общества — Пнин, Попугаев и др. были лично знакомы с Радищевым и являлись продолжателями его революционно-демократических заветов.

журналов того времени*. Именно в нем впервые появились переводы трех глав «Системы природы» Гольбаха и восьми глав его же книги «Всеобщая мораль» (разумеется, анонимно), а также переводы из «Руин» французского просветителя Вольнея. Интересующая нас статья называется «Примечания на книгу XIV, главу 2-ю г-на Монтескья о разуме законов». Она предпослана данному в февральском номере журнала переводу 2-й главы XIV книги «Духа законов» Монтескье, в которой излагаются основные идеи «теории климата». Критический разбор этой главы, принадлежащий, как полагает В. Н. Орлов, перу А. Ф. Бестужева, по размерам в несколько раз превышает переведенную из «Духа законов» главу.

«Думали и, может быть, еще думают, — начинает Бестужев свою статью, — что Монтеский первый говорил о влиянии климата. Сие мнение есть погрешность. До него тонкий и замысловатый Фонтеннель¹² упражнялся в сем предмете. Шардин¹³, один из таких путешественников, которые умеют наблюдать, учинил много рассуждений о физическом и нравственном влиянии климатов. Аббат Дюбос¹⁴ подтвердил и изъяснил мысли Шардина; и Бодин¹⁵, который, может быть, читал в Полибии, что климат определяет образ, цвет и нравы народов, сделал уже из того за 100, за 50 лет прежде, основания своей системы в книге своей о республике и в способе своем преподавания истории». Далее автор статьи указывает на то, что «прежде всех писателей бессмертный Гиппократ весьма пространно рассуждал о влиянии климата в своем славном сочинении о воздухе, водах и местах».

Монтескье выбрал эпиграфом для своего труда: «Prolem sine matre creatam»**. Многие полагают, что этими словами Монтескье желал подчеркнуть отсутствие у него идейных предшественников. Автор «Примечаний» указывает на необоснованность этих претензий. Он пишет: «Надобно простить сию малую вину изобретательному уму, который, приобьикши мыслить сам от себя, почитал себя иногда изобретающим в то время, когда только повторял мнения других».

* Журнал Пнина, пишет В. Н. Орлов, «был самым ярким, после “Путешествия” Радищева, проявлением философского и социально-политического радикализма в русской печати конца XVIII века». См.: Орлов, Вл. Русские просветители 1790–1800-х годов. — М., 1960. — С. 97.

** «Без матери рожденное дитя». См.: Овидий. Метаморфозы. — Кн. III. — Строка 554.

Бестужев старается установить место Монтескье в ряду других авторов, писавших по этому вопросу, и выступает против крайностей взглядов Монтескье. «Сей славный муж, — пишет он, — почитает влияние климата как бы всеобщей причиной почти всех нравственных и политических явлений; и к утверждению сего мнения составил он систему, в которой находится больше отважности и чрезвычайности, нежели точности в наблюдениях и истины в следствиях».

Свои возражения автор статьи резюмирует в нескольких пунктах: «Во 1-х, климат может иметь влияние на физические и нравственные свойства людей, как причина *совместная*, а не как причина *совершенная*. Во 2-х, сие влияние весьма сильно в климатах чрез меру жарких или чрез меру холодных, но оно едва чувствительно в климатах умеренных; в 3-х, положение земли в рассуждении солнца не может определить одно климат оной; в 4-х, какая бы ни была сила сего влияния, законодатель должен ослабить действие одного, естли они вредны, пользоваться оными, естли они полезны, и даже не касаться оных, когда они неопасны...»

Таким образом, автор «Примечаний» толкует влияние климата *ограничительно*, находя его очень сильным в крайних поясах и ничтожным в умеренном поясе, и вообще считая климат, то есть географическую среду, причиной лишь *совместной, одной из ряда многих*, имеющих значение причин.

Мы убедились, что идеи Монтескье привлекали пристальное внимание передовых кругов русского общества XVIII века. Горячий призыв Монтескье к гуманности, его протест против пыток и требование смягчения уголовных наказаний, подхваченные во многих других странах и вдохновившие, в частности, Беккариа на его знаменитый труд, нашли живой отклик в сердцах передовых представителей русской общественности. Не меньшее сочувствие встретила у них смелая защита свободы слова, печати, собраний и требование Монтескье формального равенства всех перед законом, его протест против рабства, религиозного фанатизма, ненавистных иезуитов.

В XIX в. конституционные теории Монтескье стали предметом страстных обсуждений русских декабристов при разработке ими проектов государственного переустройства России. Но эта тема выходит уже за хронологические рамки данной статьи.

Вольнолюбивые мысли Монтескье, из-за которых «Дух законов» удостоился чести попасть в список запрещенных церковью книг*, находили горячее одобрение у всех, кто боролся за освобождение родины от гнета самодержавия. Недаром вождь русских революционных демократов Николай Гаврилович Чернышевский указал на те революционные выводы, которые сделаны были во Франции из учения Монтескье: «В 1789 году ученики Монтескье подавали руку ученикам Руссо и аплодировали парижским простолюдинам, штурмовавшим Бастилию»**. В этом состоит величие и пафос творений Монтескье.

* Книга Монтескье была признана в Риме вредной, 13 мест в «Духе законов» были заклеены Сорбонной как еретические.

** Чернышевский, Н. Г. Соч. — Т. VII. — М., 1950. — С. 38.

³ *Яков Павлович Козельский* (1729–1794) — русский философ, просветитель, переводчик, писатель, педагог и политический деятель. Автор одного из первых систематических трудов по философии на русском литературном языке «Философические предложения» (1768), посвященного императрице Екатерине Великой.

⁴ *Луи Филипп, граф де Сегюр* (1753–1830) — французский историк и дипломат, посол Франции при дворе российской императрицы Екатерины II (1784–1789).

⁵ *Габриэль Бонно де Мабли*, также *Аббат Мабли* (1709–1785) — французский социальный философ, автор многих работ по международному праву, социально-политическим вопросам и истории.

⁶ *Петр Андреевич Словцов* (1767–1843?) — историк Сибири и поэт, автор многочисленных трудов по краеведению.

Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн (1899–1976)

Советский историк, переводчик, доктор исторических наук, профессор. Автор работ по истории общественной мысли Средневековья и начала Нового времени.

Ф. А. Коган-Бернштейн

Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке

Печатается по: Коган-Бернштейн, Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке // Вопросы истории. — 1955. — № 5. — С. 99–110.

¹ *Жан Боден* (1529/30–1596) — французский политик и историк, юрист, член парламента Парижа и профессор права в Тулузе, известен также как борец с колдовством.

² Данное письмо публикуется в настоящей антологии.

³ Дж. Перри пришлось столкнуться с произволом и медлительностью русских чиновников и вельмож. — См. о нем: примеч. 2 к статье Ф. Г. Штрубе де Пирмонт.

⁴ *Октавиан* (1712–1781), *Джован Франческо Антонио* (1708–1763), *Пьер Алессандро* (1714–1780). Джован и Пьер прибыли в Россию в 1739 г. по рекомендации русского посланника в Париже А. Д. Кантемира. — См. более подробно **примеч. 16 к статье М. Алексеева**.

⁵ *Фридрих Генрих Штрубе де Пирмонт* — см. выше отрывки из его произведения и о нем в наст. изд.

⁶ Первая лекция публикуется в настоящей антологии.

⁷ *Иван Никитич Болтин* (1735–1792) — русский историк, гуманист, генерал-майор..

⁸ *Никола-Габриэль Леклерк* (1726–1798) — французский медик и историк России. В 1759 г. по приглашению императрицы Елизаветы и с согласия короля Людовика XV прибыл в Россию, где уже в 1761 г. стал иностранным членом Императорской Академии наук. В начале 1760 г. вместе с графом К. Г. Разумовским выехал на Украину. Там он пробыл почти год, разрабатывая меры, направленные на борьбу с инфекционными болезнями и их профилактику. Свои мнения, советы и наблюдения об улучшении состояния здоровья людей и домашних животных он изложил в медицинском трактате «Средства предупреждения заразных болезней и исцеления от них» и кратком очерке «История эпидемических болезней на Украине», напечатанных в Москве в 1760 г.; в 1765 г. стал почетным членом Императорской Академии наук. По возвращении во Францию в 1762 г. был назначен врачом герцога Орлеанского. Вернулся в Россию в 1769 г. и занимал до 1777 г. различные должности: был лейб-медиком вел. князя Павла Петровича, директором наук в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе и профессором в Академии художеств, инспектором Павловской больницы в Москве. Автор «*Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne*» (6 тт., 1783–1794) (Физическая, моральная, гражданская и политическая история современной России).

⁹ *Семен Ефимович Десницкий* (ок. 1740–1789) — русский просветитель, ученый-правовед, доктор римских и российских прав, публичный ординарный профессор юриспруденции Московского университета, член Российской академии.

¹⁰ *habeas corpus* (лат.) — процедура контроля законности задержания и ареста граждан, в которой определены правила ареста и привлечения к суду обвиняемого в преступлении. Входит в «Хабеас корпус акт» (*Habeas corpus act*) — законодательный акт парламента Англии (1679), составная часть общей законодательной базы англосаксонской правовой системы.

¹¹ *Александр Федосеевич Бестужев* (1761–1810) — просветитель-демократ, писатель, отец декабристов братьев Бестужевых.

¹² *Бернар Ле Бовье де Фонтенель* (1657–1757) — французский писатель и ученый.

¹³ *Жан Шарден* — см. примеч. 16 к статье В. Н. Кузнецова.

¹⁴ *Жан-Батист Дюбо* — см. примеч. 9 к статье В. П. Волгина.

¹⁵ Впервые о климатических условиях, влияющих на культуру и политическое устройство общества, Боден заявил в сочинении “*Methodus ad facilem historiarum cognitionem*” (1566) (русский пер.: Метод легкого изучения истории. — М., 2000).